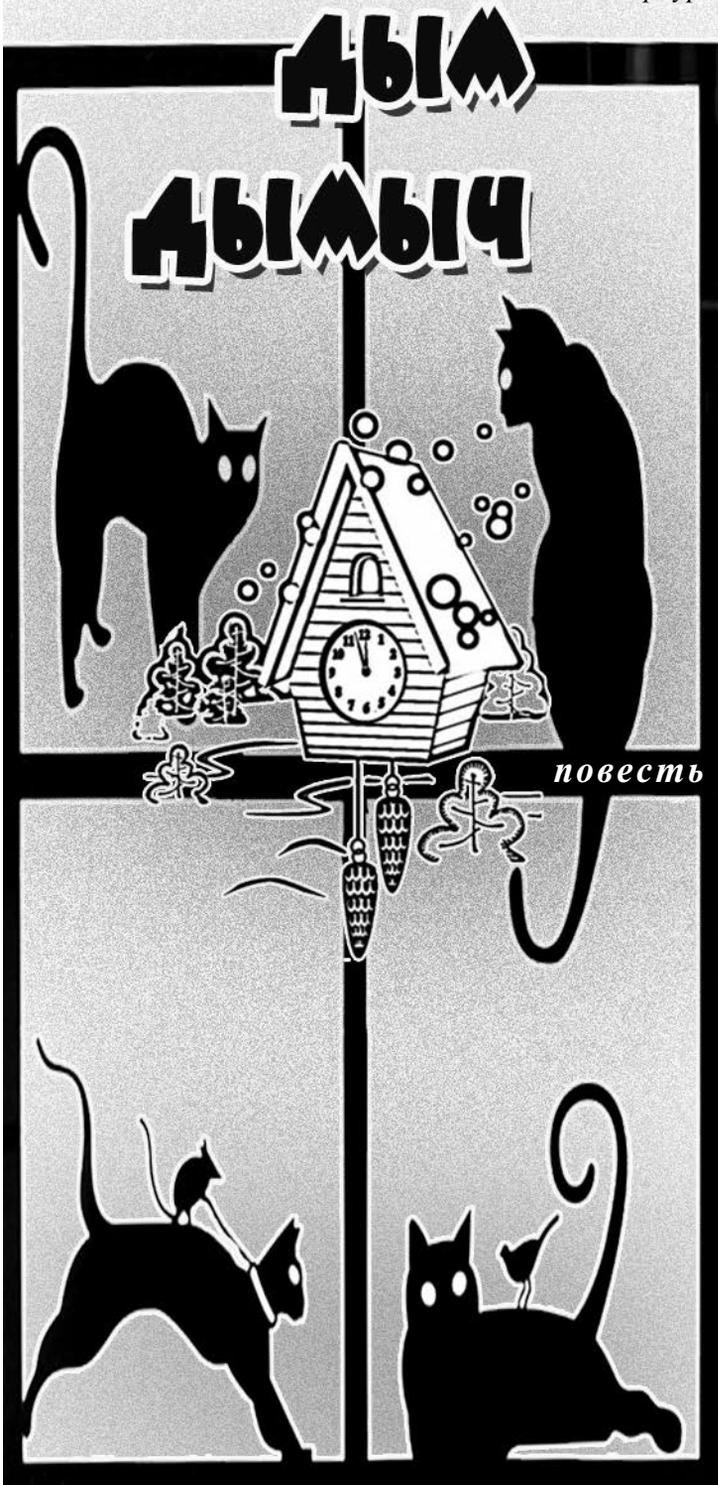

Александр
ГИНЕВСКИЙ

г. Санкт-Петербург

Борису Васильевичу Михайлову

1

— **Б**орь, скину я со скуки. Ну что мне делать там в твоей деревне? Человек я городской. Понимаю, лето было бы, а то ведь ноябрь. Дождь, холод — бр-р-р... — Андрей Николаевич передёрнул плечами. Под рубашкой колыхнулось его большое рыхлое тело. Он взглянул в окно. — Вот полюбуйся...

За стеклом нудно тенькал бесконечный осенний дождь. Струйки его казались тонкими длинными гвоздями. Серое низкое небо было припилено ими к земле.

— Что мне там делать... — передразнил Борис Васильевич. — Да то же, что и здесь! Зато ты там ещё и по-настоящему отдохнёшь. Ты же в отпуске! Тебе прежде всего отдохнуть надо...

Но Андрей Николаевич только вяло отмахивался.

Подружились они ещё в школьном детстве. С годами такая дружба крепнет, несмотря на то что время строгаёт каждого по-своему. Оно, время, из мальчишки Андришки сделало Андрея Николаевича, инженера-конструктора. А позднее вылепило из него ещё и завзятого домоседа. Даже необходимость поехать в командировку по работе была для него настоящей бедой. Бывало, жена Валентина Степановна собирает ему чемодан в дорогу, а он лежит на диване. Прямо в шлёпанцах. Ворочается, кричит, стонет. Словом, страдает. Не подумаешь, что этот солидный дядя был когда-то взбалмошным мальчишкой, что он прошёл войну. И дело не в унылой привязанности к тапочкам и телевизору, как это часто бывает. Нет. Андрей Николаевич к телевизору равнодушен. Но любит тапочки. Их ещё называют домашними. А Андрей Николаевич любит дом и привязан ко всему домашнему. Начиная домашними шлёпанцами и кончая домашними пирогами. Это ещё не всё. Дома, среди всего домашнего, ему хорошо думалось. Даже лучше и успешнее, чем на работе.

Не в пример Андрею Николаевичу, Борис Васильевич так и остался живым, подвижным, лёгким на подъём. Мальчишество застряло в нём, как говорится, на всю оставшуюся жизнь. Профессия быстро и безошибочно нашла его:

он стал геодезистом. Теодолит, тренога, рюкзак за спиной. Бесконечные дороги, тропы и бездорожье среди тайги, тундры, пустыни. Очень заманчиво и романтично. Особенно, если смотреть на эти дороги и тропы в цветное окошко телевизора. А спроси Бориса Васильевича насчёт этой самой «романтики», он только поморщится, пожмёт плечами и скажет: «Работа как работа — никаких кинотрюков». Так-то оно так. Но вот придёт весна, и начнёт Бориса Васильевича буквально знобить. Становится он похожим на птицу, которой предстоит дальний перелёт в родные края. Волнуется, переживает. «Пора на крыло... Весна! Пора в поле...» — рассеянно повторяет он.

Ясно, что каждый из друзей своё дело любил. Правда, послушать их со стороны, так затруднее их работы не придумать. При встречах они больше жаловались друг другу на всякие «трудности», «сложности» и «нелады». Но при этом хитро шурили глаза, улыбаясь друг другу. Получалось, что слова словами, а главное — что-то очень важное для обоих было понятно им и без слов...

Борис Васильевич посмотрел в окно. Потом перевёл взгляд в сторону кульмана — довольно громоздкого чертёжного сооружения. Он вспомнил, чего стоило Андрею Николаевичу согласие жены, чтобы этот «рабочий инструмент» занял собою изрядное место в комнате. Сколько было споров и даже ссор. Теперь и этот кульман выглядел здесь по-домашнему. Он напоминал гладильную доску, торчащую дыбом.

На закреплённом листе ватмана виднелись линии начатого чертежа. Под ним и на полях — тонкий карандашный бисер цифрового расчёта. Взглянешь на стремительные хвостики цифр и невольно подумаешь, что родились они от увлечённой руки.

— Очередная закавыка? — усмехнулся Борис Васильевич.

— Угу, — Андрей Николаевич хмуро кивнул в сторону стола, на котором лежали рулоны бумаги. — Там ещё три таких... махровых закавыки...

— А что Валентина?

— Насчёт чего?

— Насчёт твоего отпуска...

— Приказывает отдыхать. Говорит: «Я все твои карандаши соберу в сумку и отнесу к сест-

ре. Уж она-то найдёт где спрятать до конца твоего отпуска. А пока, — говорит, — походи в клуб на кинофильмы, на лекции». Последняя лекция там знаешь на какую тему?

— Любопытно.

— Тайны кошачьего организма. Нужны мне эти тайны...

— Ага! То-то!.. — Борис Васильевич, смеясь, вскочил с дивана, замахал руками. — Вот ты и попался! Теперь у тебя одна дорога — ко мне в деревню! Там сейчас ни души. Пенсионеры разъехались. Кто появится — так только проведать дачу. Гуляй себе, дыши чистым воздухом. Спи сколько влезет. Ведь ты же байбак — поспать любишь! Надоест дрыхнуть, — Борис Васильевич нагнулся к уху Андрея Николаевича, произнёс шёпотом: — ломай голову над своими закавыками. Но не здорово ли?!

— Не-ет, Борис. Валентина не отпустит... — Андрей Николаевич кивнул на стену. За ней, в кухне, Валентина Степановна громыхла посудой.

— Будет тебе хитрить-то!.. Вцепился в свой диван прямо зубами. Ну не выковырнуть. Ладно, посмотрим. С Валентиной твоей я уж как-нибудь договорюсь.

— Попробуй, попробуй... — лениво усмехнулся Андрей Николаевич. Про себя же подумал: «Нет, не выкуришь. Это не в командировку...»

2

Ещё было темно. Всего несколько человек, позёвывавая, топтались у автобуса.

Дверь показалась Андрею Николаевичу узкой щелью. Он с трудом просунул в неё свой рюкзак. Борис Васильевич ловко подхватил его и понёс. Отдышавшись, Андрей Николаевич приступил к погрузке своего тела. И когда он наконец тяжело плюхнулся на место рядом с Борисом Васильевичем, у того в кармане что-то хрустнуло, а сам он оказался намертво припечатанным к стенке автобуса.

— Андрей, Андрей! Раздавишь...

— Тебя мало раздавить. Тебя надо расплющить до толщины трёхкопеечной монеты. В такую рань вытащить человека из тёплой постели. Знаешь, как это называется?..

– Ну, пошло-поехало, заскрипело-поползло. Спи давай!

– Каков наглец! «Спи!» Уснёшь тут... Кстати, куда мы едем?

– Забыл?!

– Отвечай, когда тебя спрашивают!

– Бесплезно. Опять забудешь.

От дружеской перепалки Андрей Николаевич утомился первым.

– Дёрнул меня чёрт с тобой связаться. Как знал, ничего путного, – угасая, пробубнил он. С этими словами большая голова его упала на плечо Бориса Васильевича. Затем раздался мирный храп, похожий на равномерную работу исправного двигателя.

Большой автобус, словно бегемот на роликовых коньках, катил по асфальту.

Проснувшись, Андрей Николаевич почувствовал себя куда бодрее. Он встрепенулся, если представить себе, как может встрепенуться человек, которому тесно в большом автобусе. Он встрепенулся и, стирая с широкого лица остатки сна, сказал:

– Борька, ты хоть вздремнул? – спросонок голос Андрея Николаевича напоминал приглушённый рык сытого льва.

Борис Васильевич заметил, что барометр настроения друга теперь показывал «ясно». Но радоваться не спешил.

– Под тобой уснёшь... Устроился, как на диване.

– Поделом вам, Борис Васильевич. Вы жертва собственного энтузиазма, не забывайте...

За окном хмурилось осеннее утро. Жёлтые брызги из-под колёс автобуса густым веером отлетали далеко за обочину, туда, где в измороси холодных капель стояли голые деревья. Иногда в просветы туч ударял солнечный свет, и лужи вдоль дороги вспыхивали слепящими осколками.

Автобус останавливался. Из-под навесов выходили люди с корзинами и сумками. Перед тем как подняться, они совестливо обстукивали сапоги.

Когда появились эти две девчужки-школьницы, Андрей Николаевич не заметил. Так получилось, что сидеть девчонкам пришлось в разных местах. В проходе были только вещи, и, конечно, вскоре девчонки забегали по автобусу друг к другу в гости. Пошептавшись, они зали-

вались смехом. Таким звонким и беззаботным, что от него разглаживались хмурые лица дремлющих пассажиров. Несколько прозрачных горошин смеха попали в Андрея Николаевича.

– Борис, взгляни на девчонок, – не удержался он.

– Ну что? Нормальные хохотушки второго года обучения, – с притворным равнодушием, но по привычке сразу попадая в тон друга, ответил Борис Васильевич.

– Да я не о том. Взгляни. Такая кругом грязь, а они в туфельках.

– Их будут встречать принцы-рыцари. Доставят домой на руках.

– Ты думаешь?

– Не пачкать же такие туфельки.

– Верно! Как я об этом не подумал.

Вскоре девчонкам надо было выходить. И тут оказалось, что на ногах у них теперь зелёные резиновые сапожки. Когда только успели переобуться!..

Они сошли у лесной дороги. Их никто не встречал.

– Ну, Андрей, собирайся с духом. Пора и нам на выход.

– Уже?..

В Поречье, кроме них, никто не сходил. Накрапывал мелкий дождь. Андрей Николаевич тоскливо посмотрел вслед тёплому автобусу, который скрылся за поворотом. От полуразрушенной церкви, окружённой высокими липами погоста, начиналась лесная дорога. Узкая и прямая. Вплотную к ней подступал густым кустарником ольшаник и березняк. Далеко в стороне редкими высокими маковками виднелись ели. Казалось, всматриваются они, узнавая друг друга по неизменно зелёной хвое.

До Щегловки оставалось четыре километра.

3

Табуретка хрястнула под разом обмякшим телом.

По красному лицу Андрея Николаевича катились капли пота. Он уже устал их смахивать рукавом. Сидел, упёршись пухлыми ладонями в колени, словно прислушиваясь к тому, как хлюпало и хрипело в груди. «Укатали Сивку

крутые горки», — взглянув на него, подумал Борис Васильевич. Он выскочил во двор, и вскоре оттуда донёлся спорный стук топора.

Уже были затоплены плита и русская печь разом. Сухие поленья горели торопливо, с треском. Комната медленно наполнялась теплом, а Андрей Николаевич всё ещё сидел неподвижно, уставясь в стену. Перед ним, над кроватью, висел большой коврик, вышитый крупным крестом. Два всадника — молодой гусар с пышными усами и девушка застыли над пропастью. Девушка в страхе прикрыла лицо рукой. Гусар придерживал одной рукой девушку за талию, а другой задумчиво разглаживал усы. Казалось, только опасность расстаться с усами могла его испугать. Но сейчас эта картинка совсем не веселила Андрея Николаевича. Вот только сейчас до него наконец дошло, что именно он вдруг оказался в какой-то Щегловке, о которой совсем недавно и слыхом не слыхивал; где и людей ни души, и сама она от большой дороги за тридевять земель. Оказался в незнакомой избе, холодной и сырой. Оказался неизвестно для чего и зачем... До слёз было жаль самого себя...

— Кушать подано, — торжественно произнёс Борис Васильевич, звякнув стаканом. Всем своим видом он показывал, что всё прекрасно. Что всё идёт так, как было задумано.

Однако ели молча. Из головы Андрея Николаевича всё не выходила глупость самой поездки, идиотизм таскания тяжёлых рюкзаков с месячным запасом продуктов. Боль, обида и стыд за себя переполняли его. Широко расставив локти, он нависал над тарелкой.

Чтобы не рассмеяться, Борис Васильевич старался не смотреть в его насупленное, отрешённое лицо. Он поминутно находил себе дело: то хлеба нарежет, то уберёт освободившуюся тарелку, то подвинет лоскут газеты с очищенными дольками чеснока.

— Как отобедали, Андрей Николаевич? — осторожно спросил Борис Васильевич.

Ответа не последовало.

Отвалившись от стола, молча закурили.

— Та-а-ак... — это было сказано Андреем Николаевичем после очень долгого молчания. Он обвёл комнату чуть потеплевшим взглядом. Заметив это, Борис Васильевич нагнулся и выта-

щил из развязанного рюкзака футляр с чертежами. Не вставая, он бросил его на кровать.

— А стол у меня ничего, ровный... — сказал он, проводя рукой по краю столешницы.

Молчание.

— Кстати, ты заметил, что дом на самом краю деревни? Лес рядом.

— Ладно, не подмазывайся. За водой-то далеко ходить?

Борис Васильевич с облегчением, порывисто перевёл дух.

— Вода?! Да за порогом! Колодец с журавлём не приметил разве? Пошли, покажу воду, дрова, картошку. Выделяю тебе целый мешок — зазимовать можно. А за хлебом раз-другой в Поречье сбегашь.

— Сбегашь... Нашёл мальчика... Не мог какую-нибудь трубку провести, чтобы хоть за водой на улицу не ходить...

— Из колодца вода слаше, чем из трубки. Да и насос нужен, инженер-конструктор... А у меня его нет. Придётся тебе воду так доставать — по старинке.

— Лодырь ты, Борис Васильевич, вот ты кто.

Борис Васильевич рассмеялся, видя, как друг тщетно пыжится в поисках, к чему бы придраться ещё.

4

Чистое ночное небо во все глаза своих ярких звёзд смотрело на Щегловку. Там внизу, посреди единственной улицы, задрав головы, стояли двое мужчин. Ночь была тихая. Воздух касался щеки, словно прохладная боковинка осеннего яблока.

— Бери чуть ниже Кассиопеи, в Млечном Пути. Видишь?

— Кассиопею вижу. Персей... Персей... Сколько в нём звёзд?

— Двадцать две.

Андрей Николаевич присвистнул.

— Обрати внимание, что правая рука Персея, — продолжал Борис Васильевич, — будто замахивается для удара. А левой он тянется схватить за ногу Андромеду. Видишь?

— Что-то, Борька, не выстраиваются у меня твои двадцать две звезды в Персея.

– Тоже мне, инженер-конструктор... Не выстраиваются... Взгляни еще раз на рисунок, – Борис Васильевич осветил фонариком лист бумаги, на котором Персей с головой клином, хулиганисто размахивающий руками, был изображён крупными точками. – Видишь?

– На бумаге – вижу.

– А теперь посмотри в небо. Постарайся всё созвездие ухватить целиком, одним взглядом.

– Стой, Борька! Ишь ты!.. Персей. Вижу, – Андрей Николаевич толкнул в бок Бориса Васильевича и удовлетворённо крикнул.

– Персей ли?.. Убедись сначала. На бинокль. Рассмотри левую ногу. Нога сто́ит того. Как раз там, где коленная чашечка, должна быть звезда Алголь. Самая яркая в этом созвездии. Нашёл?

– Вижу! – воскликнул Андрей Николаевич. Так, наверно, воскликнул Колумб, когда в его подзорную трубу заглянула Америка.

– Яркость Алголь, – продолжал Борис Васильевич, – через каждые пять часов то возрастает, то падает. Понаблюдаем? Явление интереснейшее. Объясняется тем...

– Ну, знаешь ли!.. – резко оторвавшись от бинокля, сказал Андрей Николаевич. Азарта Колумба ему хватило ненадолго. – Пять часов околачиваться на улице – это не по мне. Я тебе и так – на слово поверю. Пошли спать.

Дома, уже когда легли, Борис Васильевич всё ещё не слезал со своего любимого конька. Он продолжал:

– Такого звёздного неба в городе не увидишь.

– Да, пожалуй.

– Слишком много там искусственного света. Да и до звёзд ли, вспомни. Такая суета, что не до них как-то...

Андрей Николаевич ответил грозным скрипом пружин. После долгого молчания он вдруг сказал:

– Слышь? Что это у тебя там?

– Где?

– На чердаке, что ли?..

С потолка донёлся шорох. Что-то посыпалось.

– Не обращай внимания, спи. Это мыши.

– Хорошенькое дело, мыши... Обрадовал, – Андрей Николаевич, недовольно сопя, перевернулся на другой бок. – Заснёшь тут...

Возня на чердаке усилилась. Комочки шуршащих звуков с реактивной быстротой пронеслись вдоль стен.

– Борис, что у них там? Спортивная эстафета, что ли? Прямо безобразие.

– Порезвятся и успокоятся, – уже сонным голосом произнёс Борис Васильевич.

– Прими меры. Надоело!

– О, чёрт!.. – Борис Васильевич нашарил рукой сапог. Запустил его в потолок. Раздался грохот.

Наступила тишина. Правда, недолгая.

5

В утренних потёмках Борис Васильевич сновал из сеней в комнату. У него уже вовсю кочегарилась плита. Чайник весело посвистывал. Выбрасывая из носика столбик белого пара, он походил на готовый к отплытию пароход.

Андрей Николаевич сладко потягивался в кровати. Она стонала и скрипела под ним, словно её испытывали на прочность недозванным способом.

– Вставайте, граф, вас ждут великие дела, – Андрей Николаевич откинул одеяло, сел. Почёсываясь, он впервые подумал: «А что? Ничего...» Он даже подмигнул гусару, который продолжал заниматься своими усами.

Распахнулась дверь. За порогом, не входя в комнату, стоял Борис Васильевич с охапкой дров. Глаза его смеялись.

– Кропотов, принимай первого гостя!

Андрей Николаевич повернул голову и тут же почувствовал, как бодрость выспавшегося человека покидает его. Улетучивается и доброе расположение духа. Опять хотелось долго и нудно ругаться, мысленно проклиная Бориса Васильевича с его деревенской затеей.

– Да-а... Подсуропил, – хмуро сказал он. Губы его скривились в кислой гримасе. – Твой, что ли?

– Нет. Первый раз вижу. Я ведь здесь бываю только зимой. Да дело не в этом. Каков, а?! Полкуйся.

– Ну, знаете ли, – наконец-то с закипающим раздражением произнёс Андрей Николаевич. И взорвался: – На кой чёрт он нам нужен?!

– А может, это она. Тигрица в миниатюре.

Но Андрей Николаевич уже токовал, как глухарь, ничего не слыша:

– Хорошо знаешь, что всякое зверье я люблю на расстоянии. И не скрываю этого. Я не ханжа. Меня совершенно не умиляют эти, эти... прирученные...

У плиты Борис Васильевич разжал руки, и дрова с грохотом посыпались на пол. Но Андрей Николаевич продолжал:

– Человек хитрец. Он-то выиграл! А вот они?.. Затискают, затреплют, закормят, а надоест – выбросят. Вот чем чаще всего кончается пресловутая любовь к животным. Так что гони его или её отсюда, – устало сказал он. – Пусть уходит в свои пампасы, не намерен я никого приручать...

– Всё? – нахмурился Борис Васильевич.

– А что – неубедительно?

– Филя, отойди от него. Это не человек – это сухая чертёжная доска.

Андрей Николаевич вспомнил, что у друга дома живёт кот по кличке Филя. Правда, Филя был ещё котёнок и чёрного цвета. Этот же – гость – огромный, с широкой белой грудью. Мостом выгнув дымчатую спину, с высоко поднятым флагштоком пушистого серого хвоста, тёрся в это время о ногу Андрея Николаевича. Надо полагать, он принял её за тёплый столбик, специально для этого здесь поставленный. Кот был с улицы – холодный. Потрясённый наглостью, Андрей Николаевич попытался задвинуть ногу под кровать. Напрасно. Кот потёрся задуманное число раз и, словно участник дипломатического приёма, с достоинством отошёл в сторону. Он сел и уставился на людей.

Его большие глаза цвета спелой пшеницы смотрели по-детски безмятежно. И только в чёрных вертикальных и узких щелях зрачков предугадывалась мрачная душа хищника.

Борис Васильевич даже прищёлкнул языком.

– А-а?! Каков?!

– Привёл... Не камышовый ли? Такой – штука страшная. Свирипее тигра.

– Да ты присмотришь. Обычный домашний.

– Брось! Грудь как у трактора К-750. Тоже мне, Филя... В Филе слышится что-то простое, что-то простофильское, а это же... это

же Соловей-Разбойник. Наверно, ещё тот хулиган. Выпроваживай, выпроваживай его.

– Не дело ты говоришь, – спокойно возразил Борис Васильевич. – Он у тебя тут мышами займётся.

– Тебя не переспоришь. Только учти, Борис, засиживаться я ему не позволю. На мои симпатии может не рассчитывать.

Сели завтракать.

На людей за столом кот не обращал никакого внимания. Он расположился на полу посреди большого солнечного пятна. Щурясь от света, завернув голову за спину, он водил по ней розовой тёркой языка.

Борис Васильевич подсунил коту кусок колбасы. Тот долго принюхивался. Взял с видимой неохотой, скорее не желая обидеть того, кто дал.

– Андрей, взгляни, какое у него брюхо. Кирпичами, что ли, набито? Сыт.

Андрей Николаевич не слышал. Он рассеянно отхлёбывал чай из стакана. В окно ему была видна заколоченная дверь соседнего дома. Сейчас эта дверь поглотила всё его внимание.

Пора было выходить.

Неожиданно засобирился и кот. Он встал у порога, нетерпеливо помахивая хвостом.

– Не понравился ты ему, не понравился, – укоризненно заметил Борис Васильевич.

– Будем считать, что взаимно.

В конце деревни, там, где начиналась дорога в Поречье, они попрощались.

– Андрей, вернёшься – звони. Слышишь? Расписание автобусов там же. Понял?

– Угу.

– Ну, не скучай.

– Не скучай... Заташил, куда Макар телят не гонял, и предлагает веселиться. Погоди, я тебе за эту ссылку ещё намылю шею. Вот уже вернусь...

– Посмотрим. Ещё спасибо скажешь.

– Ну, прохиндей! Спасибо ему... Не дождёшься.

– Ладно, бывай!

– Бывай.

«Вот ведь занесло... — он огляделся по сто-
ронам. Ни души. — Одиночества захоте-
лось? Мне, что ли?.. Ну, землепроходец! Чтoб
тебе...» — всё ещё ворчал Андрей Николаевич,
направляясь домой.

Незаметно мысли его вернулись к чертежам,
свёрнутым в плотную трубку и лежащим в фут-
ляре. Футляр был не где-нибудь за тридевять
земель отсюда, а вон в той избе. В груди потеп-
лело. Он зашагал быстрее, подгоняемый сла-
достным нетерпением.

Дома тщательно убрал со стола, подмёл пол и
долго мыл посуду. Занятие пустяковое, но и за
ним можно кое о чём подумать. Наконец и с
этим было покончено.

Не спеша, с явным удовольствием извлёк он
из рюкзака «рабочую мелочь»: рейсшину, треу-
гольники, логарифмическую линейку, каранда-
ши, коробочку с кнопками и скрепками. Каж-
дая мелочь вскоре находила своё место на столе.

Выложив рулон чертежей, он вдруг достал из
рюкзака толстый технический журнал и... зава-
лился на кровать. Это была обычная челове-
ческая уловка оттянуть неминуемое.

Заголовок и первую фразу статьи он прочёл
несколько раз, смутно ловя себя на том, что не
понимает, о чём идёт речь. Да, голова его уже
давно была занята СВОИМИ мыслями. От этого
просто так не отделаться. Он отбросил журнал.
Необычно легко вскочил с кровати и сел к столу.

Белизна чистого листа ватмана всегда вызы-
вала в нём чувство враждебности, потому что
она дышала холодом безразличия. Стереть этот
холод можно было только теплом человеческо-
го ума и сердца. Борьба начиналась с первой
линией... Он любил эти линии. Они воплоща-
ли жизнь. Иная появлялась неожиданно, слов-
но само наитие водило его рукой. Иная — по-
сле долгих изматывающих раздумий. Но они всё
более проясняли суть брезжащей идеи. Это
была его работа. Она давала ему физическое
ощущение риска и надежды на удачу...

За окном опять моросил мелкий дождь. Но
если бы спросили его, какая сейчас погода, он
посмотрел бы в окно и, задумываясь, сказал
бы: «Денёк что надо!»

А в окно было видно открытое мокрое

крыльцо. На нём, поджав хвост и лапы, сидел
кот. Иная капля, из озорства, ударяла кота по
уху. Он брезгливо встряхивал головой и ещё
глубже поджимал лапы. По его усам пробегали
мелкие шарики воды. На самых кончиках они
превращались в прозрачные гирьки. Под их
тяжестью усы гнулись, придавая морде кота
невыразимо грустный вид.

Андрей Николаевич посматривал на него, но
не видел. Вернее, видел, но не замечал. И если
бы его спросили: «Что за кот там на крыльце?»,
он бы ответил: «Нет никакого кота. А тот, что
приходил утром, ушёл».

Ну сколько такое могло продолжаться?

Андрей Николаевич заметил наконец кота.
И тут же ощутил в себе недавнюю досаду. И то,
как тает в нём так внезапно пришедшая увле-
чённость. Теперь уже он не хотел видеть кота
принципиально.

Принципиальности хватило надолго. В кон-
це концов то ли она (принципиальность), то ли
вид кота начали его раздражать. Да и дело вста-
ло. Кончилось тем, что Андрей Николаевич
решил выйти подышать свежим воздухом.

Кот проскочил между косяком и дверью. Как
показалось инженеру, шель была не шире уче-
нической готовальни. Оценивая этот маневр
кота, Андрей Николаевич произнёс вслух:

— Чёрт с тобой, раз сумел...

И пока на крыльце дышал полной грудью,
кот терпеливо ждал в сенях. Ждал, когда
откроют следующую дверь.

Андрей Николаевич захотел есть. Пора было
заняться обедом.

Стоя у плиты, он чистил картошку. До него
донёлся звук разгрызаемых хрящей. Андрей
Николаевич взглянул под ноги — кот с аппети-
том уплетал сырые очистки. «Вегетарианец», —
подумал инженер. Он отрезал кусок очищен-
ной, бросил на пол. Но кот только обнюхал
угощение и опять потянулся к очисткам.

Судя по всему, гость не собирался прощаться
так скоро, как в прошлый раз. Чтобы забыть о
коте поскорее, Андрей Николаевич показал
ему дорогу на чердак.

— Займись-ка делом.

Любезность человека была лишней. Надо по-
лагать, кот и сам бы нашёл дорогу. Что же ка-
сается дела, то...

Отзвук потасовки, доносившийся с потолка, наконец заставил Андрея Николаевича вспомнить, что он в Щегловке, в доме своего друга, что в деревне он один-одинёшенек.

Над головой творилось чёрт-те что. Казалось, все мышцы Щегловки сосредоточились на чердаке. Казалось, весь этот мелкий сброд, организованный в полчище, подстрекаемый неким мышинным полководцем, дружно перегрызает стропила. Казалось, крыша вот-вот рухнет.

Поражённый таким впечатлением, инженер ждал катастрофы с открытым ртом.

Внезапно наступила тишина.

Только через несколько минут Андрей Николаевич приоткрыл дверь в сени. Мягко ступая, вошёл кот. Инженеру он показался таким огромным, что глаза невольно зажмурились. Когда же он их открыл, то увидел: кот лениво разглаживал усы розовым языком. Язык уже не напоминал своим размером лопату. А глаза кота смотрели так безмятежно, словно к недавнему наваждению отношение имело совсем иное существо.

Было уже поздно, когда Андрей Николаевич потушил свет и лёг в постель, стараясь не скрипеть пружинами.

Если бы он задумался над тем, где устроится гость, то скорее всего бы решил, что на печи. Но стоило человеку задремать, как он почувствовал: что-то тяжёлое продвигается вдоль его тела.

Это уже было слишком. Андрей Николаевич решительно сбросил кота на пол. Он сбрасывал его много раз. В конце концов, утомлённый бессмысленной борьбой, он заснул. Заснул, чтобы увидеть во сне, как тяжело ему дышится от того, что на грудь положили большой серый камень. Во сне всегда видится всякая ерунда. Может быть, поэтому камень показался Андрею Николаевичу мягким и тёплым.

7

Так и осталось загадкой для Андрея Николаевича, когда и кто напялил на деревянные домишки белые меховые ушанки; когда, в какое время хлынул на Щегловку снегопад.

В комнате вдруг посветлело. Сразу за окна-

ми, выходящими в палисадник, стали видны прямые линии — словно тушью на ватмане. От ветра эти линии то и дело пересекались, и тогда было видно, что это не линии, а ветви живого кустарника. Андрею Николаевичу становилось неловко при мысли, что название кустарника ему неизвестно.

Знал ли кот о происходящих за стенами дома переменах? Наверное, знал. Накануне он умывался с особым старанием. Его усердие осталось незамеченным. Что ж в том удивительного, если время шло, а для кота так и не находилось достойного имени. Оттого, видно, кот дома не засиживался. С утра отправлялся по своим делам и пропадал где-то до самого вечера.

«Теперь-то я тебя выслежу... Теперь-то я узнаю, куда ты навещаешься», — подумал Андрей Николаевич, выходя вместе с котом на крыльцо, занесённое первым снегом.

Обычно кот пулей вылетал в открывшуюся дверь. На этот раз он присел и долго смотрел перед собой на белую холодную крупу.

— Ну что? Не нравится? — сказал Андрей Николаевич, подталкивая кота носком сапога. — Ступай, ступай проветрись...

Неприятно, когда тебя выталкивают. Кот сганул в снег и, не останавливаясь, помчался прыжками.

Андрей Николаевич тронулся следом.

Снег был всё-таки глубокий. Кот скоро устал. Он то и дело оборачивался, смотрел в лицо человека, мол, я бы рад скорее от тебя отвязаться, да куда там, ноги у меня, понимаешь, короче...

Андрей Николаевич обогнал кота и зашагал вдоль деревни. Кося глазом через плечо, он видел, как кот ныряет в его следы. Неожиданно он исчез. Андрей Николаевич повернул назад и вскоре увидел его в стороне от засыпанной снегом дороги, на крыльце чужого дома. «Та-ак. А дальше что?» — подумал человек.

Они смотрели друг другу в глаза. Долго. Андрею Николаевичу стало не по себе. «Пожалуй, ты прав, — сказал он вслух. — Некрасиво с моей стороны получается... Будто подглядываю...»

Смущённо покашливая в кулак, Андрей Николаевич направился к своему дому. Несколько раз он всё же обернулся. Но, пока было видно, встречал укоризненный взгляд кота. «Ну,

ладно, ладно. Будет тебе...» — повторял человек, ещё более смущаясь.

Дома он заметил, что ни у плиты, ни в сенях дров нет. Поругивая себя, Андрей Николаевич пошёл к поленнице.

Серые сугробы туч раздвинулись, в проём упал столб солнечного света. И в этом свете Андрей Николаевич неожиданно увидел странное дерево. Оно стояло за огородом возле покосившейся уборной, похожей на упавший скворечник.

Это был молодой, давно облетевший клён. Но что с ним? Откуда на нём вдруг взялось так много листьев? И почему они такие красные? Крона дерева казалась густой пламенеющей шапкой. И вся она тонула в мягком разноголосом свисте. Андрей Николаевич замер, поражённый. Смутная догадка шевельнулась в голове. Он побежал домой. Вспомнил, как ворчливо хмыкал, когда Борис Васильевич оставлял ему бинокль со словами: «Пригодится на звёздочки полюбоваться. Вдруг захочешь...»

Не отрывая глаз от бинокля, он медленно приближался к дереву. Ожившие листья стали срывать с ветвей. У них появились птичьи крылья. Они улетали. Угасало поющее дерево — улетали красногрудые снегири. Почему? Зачем собралось их так много на одном дереве?

Это было чудо. Но, исчезнув, оно продолжало жить в человеческом сердце светлой радостью удивления.

Андрей Николаевич не сразу заметил невесть откуда взявшегося кота. Прижав уши, он с разбега нырнул в лёгкий пушистый снег. Перевернувшись на спину, мельтеша лапами, он возился в нём с явным удовольствием. Радость животного была так заразительна, что Андрей Николаевич невольно рассмеялся.

Прыгнув туда, где снег был утоптан, кот встряхивался. Маленький снежный вихрь срывался с его спины. И только отдельные блёстки сверкали на самых остриях шерстинок, словно фарфоровые блюдца на концах бамбуковых палок в руках циркового жонглёра.

Проделки кота показались сейчас Андрею Николаевичу продолжением недавнего чуда. Что-то одно общее объединяло их всех: клён, снегирей, кота и его — человека. А о коте невольно подумалось: «Мы с ним здесь вдвоём...»

И ещё: «Сейчас я, пожалуй, послушал бы лекцию на тему «Тайны кошачьего организма»...»

Весь день ему хорошо работалось. Вспоминался Борис Васильевич. Но теперь уже по-другому... На память приходил почему-то тот случай, когда Борис, вернувшись с Чукотки, в тот же день прибежал к нему на завод, в отдел. Здесь его знали. Рады были видеть. А он, улыбающийся, не отвечая пока на вопросы и шутки, снял с плеча рюкзак и с грохотом опустил его на стол. Чьи-то руки развязали рюкзак. Столпившиеся у стола увидели бивень мамонта. Это была изрядная часть бивня.

— Ему более двух тысяч лет... — сказал Борис Васильевич.

Взглянуть на диковинку сбегались отовсюду. К столу нельзя было подойти. Бориса Васильевича забросали вопросами.

«Странно, — подумалось тогда Андрею Николаевичу, — в музее те же люди, может, и внимания не обратят на подобный экспонат...» Он сидел в стороне, у окна, покуривая. Он не ахал, не вздыхал, не трогал рукой серую, в трещинах поверхность бивня. Сидел и радовался возвращению друга...

Наступил вечер. Андрей Николаевич вышел прогуляться. Заодно он решил расчистить тропинки к колодцу и поленнице.

Колодец примыкал к стене соседнего дома. Стены дома были покрыты полосами серого рубероида. В метре от земли одна полоса чуть оттопыривалась, образуя углубление. Андрей Николаевич взял и плеснул внутрь его светом фонарика. Вот тебе раз!..

Померкло настроение чудного дня.

Тяжело сопя, хлопая дверьми, он бросился в дом.

Кот спал, поджав лапы и уткнувшись розовым носом в подстилку диванчика.

— Ах ты, пакостник! — крикнул Андрей Николаевич, хватая кота за шиворот. — Вон отсюда! Чтобы и духа твоего здесь не было!

Прямо с порога он швырнул кота далеко в снег.

...Случилось то, чего он боялся. Так ему сразу подумалось. Там, в углублении между стеной и оттопыривающимся куском рубероида, ночевала синица. Прилетала с наступлением сумерек, а поутру улетала. Обнаружил её Анд-

рей Николаевич однажды вечером, совершенно случайно. Как-то от нечего делать посетил фонариком туда — в углубление. Птица сидела спиной к нему не шевелясь. Она только чуть повернула голову в его сторону. Тёмное зёрнышко глаза, отразив свет фонаря, сверкнуло хрустальной горошиной. Андрей Николаевич так опешил, что не сразу выключил фонарик. С трудом сдерживаясь от желания взглянуть ещё раз, он отошёл от стены, стараясь не скрипеть сапогами.

С тех пор он не ложился спать, пока не убедится, что и синица уже на месте. Это стало привычкой. Андрей Николаевич осторожно, крадучись, проходил к стене, включал на мгновение фонарик и с облегчением вздыхал: «Ну, кажется, дома все...»

Теперь стало ясно, чья это была работа...

«Прохвост. Прохво-ост...» — с раздражением повторял Андрей Николаевич, вспоминая кота. А случай с движком логарифмической линейки? Чья работа? Его же... Без сомнений. Вдруг ни с того ни с сего пропал движок. А он-то, простофиля, решил, что сам смахнул со стола. Нашёлся, конечно. После долгих поисков. Две уродливые трещины, появившиеся на стекле движка, расстроили его тогда вконец. Вспомнилось и другое. Как-то в окно он увидел странную птицу. Коричневую с голубыми перьями на крыльях. Она была размером с ворону и сидела на большом камне у колодца. Андрей Николаевич видел такую впервые. Птица воровато посматривала в сторону дома. Вдруг она испуганно вскрикнула и взмахнула крыльями. И в ту же секунду над камнем взлетело распластанное тело кота. От неожиданности Андрей Николаевич даже вздрогнул. Морда кота была перекошена в ярости. Из вытянутых над головой, широко раскинутых лап грозно торчали серповидные когти. Это был бросок вратаря «под штангу». «Так вот ты каков, — с невольным восхищением подумал тогда Андрей Николаевич. — Силё-ён, бродяга...» Теперь же это воспоминание о той неудачной охоте кота вызвало в душе Андрея Николаевича чувство глубокой неприязни к нему.

Весь следующий день тянулся долго и мучительно. Андрей Николаевич валялся на кровати, невольно прислушиваясь к ржавому стону

ходиков. Взглянув на них, не без досады замечал, с каким скрипом движется время, и вновь проваливался в тягостную мутную дрёму.

Заниматься не хотелось. Несколько раз он присаживался к столу, бубня себе под нос: «Да чёрт с ними! С котами, с птицами... Мне-то что до них?!» Но дело не шло.

Уже в полной темноте он вытащил из-под подушки фонарик, оделся и вышел на крыльцо. Не взглянув на кота, он направился к соседскому дому. Кот сидел на крыльце, грустно нахохлившись от холода.

Андрей Николаевич стоял у стены, долго собираясь с духом. Наконец включил фонарик и тут же его погасил.

— Ну что же ты, глупышка!.. Разве можно так?.. — сказал он в темноту и вздохнул с облегчением. — Ну, кажется, дома все...

На крыльце всё так же — понурым холмиком сидел кот.

Андрей Николаевич потянул дверь. Оставил её открытой.

— Заходи. Ладно...

Кот поднялся на лапы, выгнув спину, лениво потянулся, зевнул.

— Ну вот! Будешь ещё мне тут извинений ждать... — он схватил кота под мышку и вошёл в сени.

8

Андрей Николаевич принимал гостя.

Степан Дмитриевич оказался сторожем Пореченской нефтебазы. Любитель подлёдного лова, он пришёл проведать лесное озерцо неподалёку от Щегловки.

После жареной грудинки с картошкой пили чай. Круто заваренный, он казался торфяным настоем. И только аромат, которым дымились стаканы, был далёкого южного происхождения. Вытирая запотевшие лбы, каждый не спеша потягивал уже далеко не первый...

Речь зашла и о коте. Андрей Николаевич был несколько разочарован, узнав, что его зовут Васькой.

— Васька? А вы, часом, не путаете? — переспросил он.

Степан Дмитриевич взглянул на кровать. По-

верх одеяла, на спине, разбросав лапы и откинув хвост, лежал кот. Виднелся кончик языка, чуть прикушенный зубами. Шерсть белоснежного брюха вздрагивала и вздымалась.

— Я же его, самое главное, отлично знаю, — не оставил никаких сомнений Степан Дмитриевич.

— Хм...

— Представьте себе. Истинно знакомая личность.

— Чей же он?

— Синельниковой Пелагеи. Доярки с нашей Пореченской фермы.

— Значит, есть у него хозяйка?

— А то как же! У нас ведь, самое главное, зимой в Щегловке никто не живёт. Если только Борис Васильевич на охоту приедет. А он прилетит на недельку — и усвистал, — продолжал Степан Дмитриевич, чуть растягивая слова и то и дело вставляя между ними своё «самое главное». — Зато уж как солнышко пригреет, весна ударит, так и являються, будто скворцы. Ещё дорога не обсохла, а уж трактористы везут дачников с чемоданами. Хозяева домов ведь кто где живёт. Ну, а на лето сюда. И вот, самое главное, как только первый человек появится в Щегловке, так этот Васык — прощай, Пелагея Семённа — неспетая песня моя... И дёру сюда. И пошёл. В дома редко заходит. Полевых мышей кругом тьма, вот и живёт себе на просторе вольным казаком. Вроде ему люди и не нужны. А вот видишь, самое главное, раньше их не прибежит, — Степан Дмитриевич вдруг оживился. — Между прочим, извиняюсь, вы мясо где держите?

— В сенях, в ведре. Крышкой прикрыто.

— Понятно. А камень на крышку кладёте?

— Камень? Нет.

— Ну что же вы! Ведь он большой, я вам скажу, мастер по сворачиванию бульжников с этих самых крышек.

— Да вы что?!

— Уж поверьте!

— Спасибо, Степан Дмитриевич. Это я учту. А к хозяйке он возвращается?

— Ну а как же. Вот вы уедете, и он — следом. Марш-бросок в Поречье к своей Пелагее. На зимние квартиры. Без людей ему, видать, всё же в тягость. Только вот, самое главное, еже-

ли так со снегом пойдёт, то ему трудно будет добраться. Опять же, лиса может по дороге схватить.

— И так может быть?!

— А что? Лис у нас здесь много. На помойке-то видели следы?

— Я, признаться, решил, что это всё его или заячи.

— Какие же это заячи?! — рассмеялся Степан Дмитриевич. — Это всё лисьи! Она, кумушка, по голодной поре мало кого заботится.

— Любопытно, — машинально произнёс Андрей Николаевич, решив, что разговор о коте окончен.

— Ишь, как вальяжно развалился, стервец. И в ус не дует. Будто не о нём речь, — Степан Дмитриевич закурил, закашлялся, замахал руками, отгоняя от лица клуб дыма. — А самое главное, ведь он у нас, Васык, как есть возвращенец с того света, — вдруг сказал он.

— То есть как это? — брови Андрея Николаевича поползли вверх.

— Да так прямо и понимать надо. Живёт здесь в Щегловке по каждому лету такой Пётр Петрович с женой. Раньше он сварщиком работал в городе Николаеве на заводе, где пароходы делают. Отработался вчистую, вышел на пенсию и подался в наши края. Климат ему наш для здоровья больше подходит. Зажил в городе, а здесь развалюшку купил, чтоб, значит, дача была. Через какое-то время, смотрим, у Петровича не развалюшка, а домина. Прямо скажем, целый дворец отгрохал. Да вы, наверное, видели. Он из всех домов по правой стороне аж на середку улицы выпирает. Замечали?

— Да, заметил.

— Вот это его и есть. Теперь баню себе отгрохал. Ни у кого такой. Сад он завёл, пчёл — опять же каких ни у кого. И вот смех-то, как сад цвествь начнёт, пчёлы за взятком полетят, он, значит, выносит во двор проигрыватель и пластинки крутит. Музыку симфоническую. Говорит, от такой музыки всё цветёт лучше и взяток у пчёл больше. Говорит, этой музыкой теперь даже людей лечат. Ничего не скажешь, знающий человек. А пиво сварит, так куда там фабричному! Ну, видим, работающий Петрович, уважения заслуживает. Только как-то скоро у всех к нему интерес пропал. Вроде и с

душой он, мол, чего соседи хорошие надо — всегда пожалуйста, с превеликим удовольствием. Добро бы так. Только он чего даст, так обязательно запишет в записную книжицу. Есть у него такая. Скажем, Лебедеву Николаю даден сего числа фуганок. Возврат — такого-то числа. Или, скажем, Гуляева Вера. Получила от меня сего числа пачку грузинского чая, второй сорт. Возврат такого-то числа. Запишет и, самое главное, скажет так вроде со смехом: «Что вы за голь тараканья, хозяйствовать не умеете». Может, оно и так. Только чего ж людей презирать. А оно видно, по ухваткам видно — шибко презирает. Аж губа кривится. И слова кидает, будто гирыки на весы. Значит, чтобы, упаси господь, лишнего не дать. Да-а... Так вот. У этого Петра Петровича имеется кошка. Большая, мохнатая. Сибирской породы. Он её из города привозит в кошёлке. Вот раз по весне забрёл к этой кошке наш Васька. Сошлись они на чердаке Петра Петровича, за трубой. И такой задали на пару концерт, что, поверите, в телевизорах у всех так и замельтешило. Картинки трясутся — ничего не разобрать. Ну, шутка, конечно. Только очень не понравилось Петру Петровичу, что к его породистой пришёл какой-то бродяга. Словил он Ваську и врезал ему по башке шкворнем.

— Шкворнем?..

— Да, такой железный дрючок. В ось телеги вставляется, чтоб колесо не сваливалось. Телег и лошадей в Щегловке не осталось, а шкворень нет-нет да найдёшь на земле. Петрович им ворота подпирает в сарае. Ну, стукнул он кота и выбросил на помойку. А кот полежал, оклемался и дал дёру. А самое главное, рубец у него так и остался. Вот глядите...

— Я знаю, — Андрей Николаевич жестом остановил Степана Дмитриевича. Помолчал немного и вдруг спросил: — А какой он из себя этот Пётр Петрович?

— Ростом небольшой, кряжистый. Лицом тёмный, волосы седые и брови...

Андрей Николаевич давно стал догадываться, что с Петром Петровичем он уже встречался. Здесь, в Щегловке. Это был первый человек, который зашёл к нему. Он тогда не слышал даже стука в двери. Человек вошёл, поздоровался. Кот, оказавшийся дома, неужи-

данно соскочил с дивана и, припадая брюхом к полу, заметался по комнате. Андрей Николаевич в недоумении поспешил открыть дверь и выпустить его в сени. Кот как угорелый бросился на чердак.

— Совсем чего-то ошалел, — сказал Андрей Николаевич гостю. — Чей он, вы не знаете? Прибился тут ко мне.

— Шут его знает, — пожал плечами гость.

Он сидел недолго. Расспросил Андрея Николаевича, кто такой, зачем приехал. В его хрипловатом голосе звучала настороженность. При упоминании Бориса Васильевича он, похоже, успокоился.

— Ну и наследил я... Вон какие лужи, — неожиданно спохватился гость. — Уж простите!

— Ерунда, — сказал Андрей Николаевич и предложил дождаться чая, но гость решительно запротестовал:

— Не стоит хлопот.

Уже в дверях, прощаясь, сухо сказал:

— Странно у вас получается... В такую пору добрые люди едут не в деревню отдыхать, а в дома отдыха, в санатории.

Да, это был тот самый Пётр Петрович.

— Степан Дмитриевич, а ведь я знаю его.

— Петра Петровича?

— Да.

— Не иначе как заходил?

— Вы угадали.

— Он часто приезжает. Шибко за свой дворец беспокоится. Ну, да бог с ним, Андрей Николаевич! Ещё по стаканчику и — шабаш. А?..

— С удовольствием, только взбодрим заварку.

9

Валил снег. Который день. Провода на улице превратились в белые жерди, грузно провисавшие от столба к столбу. А тучи, словно тяжёлые бомбовозы, всё снижались над Щегловкой, раскрывались невидимые люки, и тяжёлые сырые хлопья обрушивались на и без того белую землю.

Закидало заячьи, лисьи и кабаньи следы. Всё живое попряталось. Синица тоже пережидала непогоду. Теперь она и днём не покидала своего убежища.

Старый ламповый приёмник, хрипя и кашляя, словно с трудом пересиливая царившую в мире метель, сообщал о повсеместных буранах и заносах.

— Васька, как выбираться будем? Занесёт нас по самые уши...

Андрей Николаевич с тревогой смотрел в мутное окно. Слезливые хлопья сползали по стёклам, и ему вдруг впервые стало тоскливо. Подумалось о большом тёплом автобусе с мягкими креслами. Автобус катил домой...

В одиночестве, когда хочется поговорить, разговариваешь сам с собой. Один звук произносимых слов действует ободряюще, и тебе начинает казаться, что ты не один. У Андрея Николаевича было с кем, вернее, было кому сказать слово-другое:

— Молчишь? Тебя спрашивают, а ты... Ответить лень?

Стул под котом слегка поскрипывал. На человеческий голос он только чуть повёл ухом, замер, ничего нового не услышал и потому снова принялся за умывание. Работая языком, он вертел головой с таким остервенением, словно избавиться от напасти за окном можно было только таким способом. То есть делом. Казалось, он приглашал человека последовать его примеру.

Смеркалось. Андрей Николаевич щёлкнул выключателем и так и застыл огорошенный. Всего он ожидал, но только не этого.

— Номера-а... — сказал он наконец с досадой. — Вот, Василий, для начала остались без света. Что? Пустяки, говоришь? Пожалуй, ты прав. Нечего сидеть сложа руки...

Керосиновую лампу он нашёл в кладовке. Правда, вылез он оттуда весь в паутине и чихая так, что под сводами чердака проклёвывалось маленькое эхо.

Он было обрадовался находке, но вскоре выяснилось, что в доме нет керосина. Не оказалось его и в сарае.

Андрей Николаевич вышел во двор. На крыльцо так намело, что он с трудом отворил дверь. С той же настырностью, с какой умывался кот, он принялся расчищать тропинки к колодцу, поленнице, к уборной. Тропинки получились глубокие, как траншеи.

Короткими перебежками он наносил в дом воды и дров.

— Василий, теперь порядок. Можем зимовать.

— Можно, чего уж там, — лениво зевнул Василий. — Бояться нечего, я рядом...

— Вот и я про то же.

Андрей Николаевич затопил плиту и занялся приготовлением то ли обеда, то ли ужина. По-ев, он устроился у раскрытой дверцы плиты.

Слышно было, как ветер завывает в трубе. А здесь тепло, тихо. Удивительная и короткая жизнь пламени завораживает. Жёлтые, с фиолетовыми гребешками язычки вспыхивают, тускнеют и гаснут. Где-то под ними, сквозь пепельный налёт золы, тлеют малиновым цветом угли. Их жар тянет из открытой дверцы, горячит лицо.

О чём только не передумает человек у огня. Какие только воспоминания смутные, далёкие, порою фантастические, не посетят его. Они легки и мимолётны, как бесшумные вспышки огня перед глазами. Спроси такого человека: «О чём задумался?» Он и сам толком не ответит. «Так...» — скажет, смутившись. Но лучше в такие минуты ни о чём не спрашивать. Потому что в эти мгновения рассеянности к человеку может прийти озарение. Вдруг неожиданно станет ясным то, что мучило, над чем напряжённо, долго и безрезультатно билась сосредоточенная мысль.

Андрей Николаевич очнулся:

— Да. Так о чём я?.. — Он поднял с пола блокнот и положил его на колено.

— Василий, иди за ухом почешу.

— Нужен ты мне больно... Делом давай занимайся, — кот где-то там растворился в темноте. Не слышно даже. Один глаз его прикрыт в дрёме. Другой слабо мерцает, как Алголь в далёком, невидимом сейчас созвездии Персея...

Утром Андрей Николаевич проснулся от странного шороха, совсем не похожего на скрежет старых ходиков. К их звуку он уже так привык, остановись они — это огорчило бы его. Не зря он, чтобы такого не случилось, подвесил к цепочке рядом с гирькой ещё и пузырёк с водой.

Он прислушался. Тишина стояла в доме и за его стенами. Похоже, снегопад угомонился. Но что это за звук? Нарастает. Словно ножницами медленно режут тугой ватман. Далеко-далеко. Неужто трактор?

— Слышишь, Василий, за нами едут! — Андрей Николаевич вскочил, засуетился, одеваясь.

По улице, мимо окон, с натужным рёвом прополз гусеничный трактор. За ним волочился огромный лист железа. «Хоть дорогу утопчет», — мелькнуло в голове.

Ещё издали Андрей Николаевич увидел, как трактор упёрся грудью в стог сена, взревел. Раздался хруст ломаемых слег. Трактор остановился, дал задний ход, а стог остался стоять на железном листе. Даже снежная остроконечная шапка не дрогнула, не свалилась, лишь кое-где покрылась тёмными бороздами трещин.

Парень в промасленной телогрейке выскочил из кабины.

— Вот и все дела! — крикнул весело.

— Здравствуйте. Ловко у вас получается, — Андрей Николаевич кивнул в сторону стога.

— Практика, — улыбнулся тракторист.

— Оно и видно.

— Как поживаете?

— Спасибо, ничего.

— А мы в Поречье всё думаем: как там друг Бориса Васильевича? Жив ли? Вон ведь как нынче заметелило. Такое у нас об эту пору редко бывает.

— Да уж... Засыпало основательно.

— И не скучно одному?

— Да я не один. Компаньон у меня объявился, — Андрей Николаевич усмехнулся. — Кот Василий.

— А-а! Пелагеи Семёновны. Здесь ещё?

— Здесь.

— Вот жук! Пристроился...

Пора было переходить к главному.

— Всё бы ничего, — сказал инженер, — да вот света не стало.

— И у нас в Поречье темень. Высоковольтку оборвало. Скотина на ферме без воды осталась — насосы встали. Смех прямо — бочками возим. Теперь когда починят...

— А я-то думал, тут где-то у меня только.

— Не-ет! — махнул рукой парень. — А лампа керосиновая есть?

— Есть, да что толку. Керосина нет.

— Тю! Беда какая! Я вас соляркой заправлю. Поехали.

Возле дома остановились. Андрей Николаевич вынес старое ведро. Парень отвинтил пробку бака, подставил ведёрко.

— Горючка что надо, только с копотью! — весело сказал он.

— Хоть с копотью. Всё светлее.

— И то верно. А вы ещё долго здесь будете? Я вам керосину подкину.

— Спасибо. Да я уже скоро тронусь. Вот только хорошей погоды дождусь.

— Ну, как знаете. Бывайте!

Ещё стоял день, было светло, но Андрею Николаевичу не терпелось опробовать лампу. Он вычистил её, подрезал фитиль, залил маслянистой, с голубым отливом, соляркой. Чиркнул спичкой и прикрыл жёлтый чадающий язык пламени чистым стеклом. Узкое горло стекла начало быстро покрываться жирной копотью, но всё-таки это был свет. Подозрительно тусклый, но от него повеселело на душе.

— Та-ак... Вернётся Василий и скажет: «Это не плохо всё, Андрей Николаевич, только зачем нам в доме тракторный запах?» Впрочем, что он там скажет, не должно нас волновать.

Андрей Николаевич выглянул в окно. Слабый ветерок гонял отдельные снежинки по пустому крыльцу.

— Где его черти носят?..

10

И всё-таки рано было зиме праздновать свой приход.

В ветре проснулась озорная сила. Её надо было куда-то девать, и он начал расшвыривать облака из края в край неба, не давая им собираться в тучи. И только с шаром солнца ничего он не мог поделать. Яркое солнце стояло на якорях своих лучей. Оно держалось за землю. Прямо на глазах оседали сугробы. Крыши домов обросли бородами сосуллек. С них капало.

Пришла пора уезжать.

Андрей Николаевич ходил по дому, то и дело заглядывая в бумажку, оставленную Борисом Васильевичем. В ней обстоятельно было написано, что и как сделать перед отъездом.

— Закрывать крышку в уборной, натаскать туда сена. Замок обмотать полиэтиленовой плён-

кой. Сделано. Пункт вычёркиваем. Дальше. Закрывать дверь на чердак. Идём на чердак...

Каждый раз, выходя, Андрей Николаевич следил за тем, чтобы кот не проскочил в двери. А тому не терпелось на улицу. Он отирался у порога, то ли не понимая, в чём дело, то ли делая вид, что не понимает. Но то, что его не пускают, он понимал. Ему это не нравилось, он нервно подёргивал кончиком хвоста.

Когда в бумажке были вычеркнуты все пункты, Андрей Николаевич собрал рюкзак, оделся.

— Василий, марш сюда! — строго произнёс он, правда, не очень-то уверенный в том, что команда будет выполнена.

Он ещё раз заглянул внутрь высокой кожаной сумки со шнурком в горловине, стоявшей на столе. Там было всё в порядке: пусто, просторно, а на дне — тёплая тряпка.

— Кому говорят! — ободряя скорее себя, приказал он.

Кот стоял у порога и через плечо с тоскливой обречённостью смотрел на человека.

Ждать было нечего. Крякнув, Андрей Николаевич подошёл к нему и решительно взял за шиворот.

Соппротивление было беззвучным и упорным. Кот расставил лапы, засунуть его в сумку оказалось непросто. Затянув, наконец, шнурок горловины, Андрей Николаевич умученно вздохнул.

— Так-то лучше, — сказал он, посасывая расцарапанный палец.

Вышли.

Оставалось повесить на двери замок и обернуть его, как требовала инструкция, полиэтиленом. Пришлось сумку с котом повесить на кол палисадника. Теперь руки были свободны.

Неожиданно из сумки раздался такой вопль, что связка ключей выпала из рук. Андрей Николаевич повернул голову. Вверху сумки, в маленьком отверстии виднелись розовые ноздри Василия.

— Заткнись! — крикнул он и заторопился. Но в спешке всегда что-то делаешь не так. И пока он возился с замком, кот оглашал окрестность нутряным, душераздирающим воплем. И не мольба о спасении слышалась в этом крике, а горькая досада, обида на предательство человека.

Покончив с замком, Андрей Николаевич был готов прибить кота тут же на месте. Но вот он протянул руку к сумке и вдруг увидел, как сорвавшаяся с карниза капля хлестко щёлкнула кота по носу. Андрей Николаевич даже опешил. Кот выл, царапал сумку, старался выбраться наружу, но капли били и били одна за другой. И всё по носу.

— Эх, чёрт! — в досаде на себя инженер сорвал сумку с забора.

Кот умолк.

В конце села надо было выключить рубильник. Столб с рубильником стоял далеко от дороги. Пришлось снять рюкзак, оставить сумку и пробираться по сугробу. Возвращаясь, Андрей Николаевич увидел, что сумка лежит на боку. «Убежал, стервец...» — мелькнуло.

Но кот оказался на месте. Андрей Николаевич осторожно раздвинул горловину сумки и увидел тёмные расширенные зрачки, наполненные мукой.

— Ну, ладно, ладно, Василий, — стушевавшись, пробубнил человек. — Придётся терпеть. Иного выхода нет...

Кусты под тяжестью снега смыкались, образуя над дорогой белый тоннель. С его потолка нет-нет да сорвётся ком. Порою на голову, засыпая лицо, попадая за шиворот.

Идти было трудно. На этой заброшенной просёлочной дороге снегу было по колено. Как ни старался Андрей Николаевич нести сумку ровно, чаще приходилось её волочить. Рука с поднятой сумкой быстро уставала. К тому же, когда неожиданно проваливалась нога, сумка с котом ударялась о снег. От этой болтанки потерявший голову кот выл не переставая, сдавленно и безнадежно.

В конце концов он накинуд шнурок сумки себе на шею. Чтобы она не раскачивалась из стороны в сторону, придерживал её руками. Но так идти было ещё труднее. Он быстро взмок и тяжело дышал. Можно было бы лишний раз остановиться, перевести дух, но вытьё кота подстёгивало.

В редкие остановки, когда вконец спирало дыхание, а глаза заливало потом, он вешал сумку на сук, пальцами раздвигал горловину.

— Ну, подыши, подыши. Я вот спички забыл, а курить хочется, как тебе на волю.

Кот высовывал голову и мутными глазами смотрел по сторонам. Мелко дрожали кончики ушей. Ему уже ничего не хотелось. Какая воля?! Казалось, он потерял всякое представление о ней. И только хрипло, не разжимая рта, стонал:

— Аа-уу-ыы...

— Не триви душу, слышишь?! Понимаю. Да и ты пойми. Видишь, снег какой. А если не растает да ещё подвалит?

— Аа-уу-ыы...

— Человеческих слов ты не понимаешь, — и Андрей Николаевич, злой от бессилия, резко, с раздражением затягивал шнурок. — Пошли.

Далеко впереди показался человек. Человек шёл споро, быстро приближался. «По его следу идти будет легче», — подумал Андрей Николаевич, всматриваясь в размахивающую руками фигуру.

Поравнялись.

— Здравствуйте. Вот и встретились. Батенька, да на вас лица нет!

— Здравствуйте, Пётр Петрович. Дачу проводить?

На смуглых щеках Петра Петровича играл румянец. Всё лицо его, с тонкой, едва заметной сетью морщин, дышало удовольствием от прогулки.

— Да. Кое-что надо, — сказал он. — А вы, значит, домой?

— Пора, — и Андрей Николаевич уже сделал шаг в сторону, намереваясь обойти Петра Петровича, но вдруг вспомнил, остановился.

— Спичек не будет? В спешке забыл.

Пётр Петрович порылся в карманах.

— Извольте. Не курящие, а всегда при себе имеем.

— Спасибо, выручили.

— Не за что. А коробок берите себе. Уж когда встретимся ещё, тогда и вернёте, — и он рассмеялся, хитро и пристально глядя в лицо Андрея Николаевича.

— Нет, Пётр Петрович, возвращаю. Не хочу быть вашим должником.

— Да какой же это должок? Помилуйте!

— Должок, конечно, мелкий. Да мне ведь только прикурить, — и Андрей Николаевич сунул коробок в карман Петра Петровича.

Всё это время кот молчал. «Ай да Васька,

знаешь, кому жаловаться», — с улыбкой подумал Андрей Николаевич, когда тронулись дальше.

— Ты молодчина, Василий! — не сдержавшись, громко сказал он и погладил сумку.

Вот и церковь, погост. Белые холмики могил окружены железными витыми оградами. Андрей Николаевич вдруг вспомнил, что все эти решётки искусной работы сделаны руками деда Бориса Васильевича. Дед был известный на всю округу кузнец. Ограду для своей могилы он сделал задолго до смерти. Но умер его друг, и дед поставил свою ограду на его могилу и занялся для себя новой. И её в конце концов отдал, и много других. А когда пришла смерть, оказалось, что для себя-то дед и не успел. Не успел сделать. Пришлось родным обратиться с просьбой к другому кузнецу. Тот был менее искусен, но в работу вложил всё уважение к мастеру, которого знал...

В Поречье ему показали дом Пелагеи Семёновны. На дверях в проёмы для замка была воткнута щепка.

— Она на ферме, — сказала соседка. — Ждать будете или передать чего?

С крыльца сошла девочка. Она подошла к женщине, прижалась к ней, обхватив её рукой. Андрей Николаевич увидел зелёные сапожки на ногах девочки, её веснушчатое лицо, и ему показалось, что это одна из тех хохотушек, которые ехали тогда в автобусе.

— Ваша? — спросил он.

— Племянница. Здесь рядом, в Совково, живёт. В гости вот пришла, — ответила женщина.

Похоже было, что и девочка узнала его. Не удивительно. Андрей Николаевич, по собственным словам, был человеком «слоноподобной конструкции». Как такого не запомнить?..

— Так Пелагее передать чего? — снова спросила женщина.

— Да нет, ничего не надо. Я... я кота принёс, — неожиданно для себя, вдруг смутившись, сказал Андрей Николаевич.

Женщина и девочка переглянулись. Вдруг обе разом прыснули от смеха.

— А-а!.. Из Щегловки? — женщина с трудом сдерживала улыбку. — Так это вы там у Бориса Васильевича жили?

– Да, – кашлянул в кулак инженер. Он вдруг взглянул на себя со стороны. Было от чего смутиться: взрослый солидный дядя, руководитель конструкторского отдела целого завода, и действительно – носится по деревне с каким-то котом в мешке... Если бы не усталость, он и сам бы посмеялся над собой.

– А Пелагея трактористов хотела просить, чтобы его, непутёвого, забрали. Только его попробуй поймай... – женщина смотрела на инженера теперь с сочувствием. Лишь девочка, прикрыв ладонью рот, беззвучно сотрясалась от смеха.

– Куда же мне его теперь? – сказал он.

– Вы во двор выпустите. Дальше он дорогу знает.

– Спасибо, я так и сделаю. Всего вам...

Во дворе он поставил сумку на утоптаный снег. Развязал горловину.

– Всё, Васька, приехали... – грустно сказал он.

Кот медленно выполз. Мягкий, шерсть ключьями, он стоял у ног Андрея Николаевича, как матрос после штормовой качки.

Он пытался шевелить хвостом, но хвост лишь едва вздрагивал в тщетном усилии.

– Ну, дома, Вася, дома... – Андрей Николаевич гладил кота, словами заливая нахлынувшее чувство вины. – Да ведь ты вовсе не Васька. Ты – Дым Дымыч. Вот ведь как тебя зовут!

А? Хорошо? Дым Дымыч... Мне нравится. А ведь мы с тобой хорошо пожили. А? Дымыч? Не хочешь смотреть мне в глаза. Ну да, мучитель... Мучитель я твой оказался. Влез в твою жизнь. А может, ты прав? Может, тебе лучше было бы от лисы погибнуть, чем эта унижительная сумка... И простить не хочешь. Ну, хоть попросаемся. Лапу-то дай.

Кот брезгливо отдёргнул лапу. Он сделал несколько шагов вперёд, обернулся и посмотрел в лицо человека самым убийственным взглядом – равнодушным.

– Ну, зачем ты так? Дымыч...

Кот отвернулся. Наконец он поднял над собой неизменный флаг жизни – трубу пушистого дымчатого хвоста. Он медленно шёл в сторону сарая. Оттуда, из открытых дверей, тянуло теплом и запахом скотины.

□

Александр Михайлович ГИНЕВСКИЙ

родился в Москве в 1936 году.

Пишет стихи, прозу как для детей, так и для взрослых.

Автор двенадцати книг, первая из которых вышла в 1977 году.

Отмечен литературными наградами.

Книга рассказов для детей «Танец маленького динозавра»

(ДЕТГИЗ, 2011) удостоена премии им. С.Я. Маршака.

*Произведения автора переведены
на грузинский и молдавский языки.*

Живет в Санкт-Петербурге.

В журнале «Север» публикуется впервые.

